

УДК 81'25+81'42:(101)

**О переводимости философских текстов:
перевод на уровне слов и концептов (идей)**

Смирнова Л. А.

*Запорожский национальный университет. Крымский факультет,
г. Симферополь, Украина*

В статье анализируется проблема перевода философского текста как часть более общей проблемы переводимости. Поскольку в философии идеи проявляются в форме концепта или в форме творчества концепта, при переводе философского текста неизбежно возникают проблемы, связанные с иноязычным толкованием и комментированием избыточных смыслов и образов, положенных в основу философских понятий, в результате которого многозначность и многослойность философского оригинала трансформируется. Перевод философского текста не сводим к сугубо лингвистическим проблемам, поэтому он рассматривается нами как операция не над языковыми знаками, а над идеями.

Ключевые слова: философский текст, перевод, переводимость, понимание, интерпретация, смысл, концепт, идея.

Объектом нашего исследования был выбран философский тип текста, структурированность которого определяется нами спецификой его *смысловой структуры* (семантикой, содержанием и смыслом); а *предметом* – перевод текста, характеризующегося философским содержанием. Цель статьи – представить специфическую для философского переводческого дискурса проблематику структурной модификации философского знания в свете общей проблемы (не)переводимости. В частности, в задачу статьи входит исследование проблемы лингвистической непереводимости философских текстов.

Актуальность. Как известно, философия образует распределённое во времени и пространстве сообщество, чья специфика состоит в постоянной адаптации и актуализации своего исторического наследия. Практическая необходимость философского перевода очевидна, поскольку, как справедливо отмечает Н. С. Автономова («Познание и перевод»), перевод как элемент структуры познания выполняет целый комплекс функций, куда помимо *культурной* (перевод как способ сохранения наследия), *социологической* (перевод как практика культурной медитации), входят также *общефилософская* (перевод как одна из форм рефлексивности) и *эпистемологическая* (перевод как новая методологическая стратегия) [2, с. 22]. И поскольку вся история европейской философии – это история перевода, в этом смысле переводчик становится движущей силой этого процесса, позволяя в новом свете взглянуть на мыслительный опыт прошлого и настоящего.

Безусловно, философия не может сводиться к исследованию языков перевода и спорам вокруг версий перевода Декарта, Канта, Гегеля, Ницше, Поппера, Хайдеггера, Витгенштейна, Сартра или Деррида; а уход профессиональных философов в философский перевод, который зачастую становится приоритетной формой «консолидации» отечественных философов, имеет к философии как к «творчеству концеп-

тов» лишь опосредованное отношение: переводчик не может считаться философом, если он не занимается собственным творчеством. (Чего стоит философ, по словам Ж. Делёза и Ф. Гваттари («Что такое философия?»), если о нём можно сказать: он не создал ни одного концепта, или он не создал сам своих концептов? [5, с.14–15]). В то же время, под влиянием переводов, или в процессе интерпретации и комментирования оригинальных текстов иноязычных авторов складывался индивидуальный символичный язык многих значимых философов: Ф. Шлейермахер переводил Платона, П. Рикёр начинал свою академическую карьеру с переводов немецких авторов, а Ж. Деррида – как переводчик текстов Э. Гуссерля; известен своими англоязычными переводами Бубера, Ницше и Гегеля немецко-американский философ В. Кауфман; активно переводил на исландский язык Платона, Декарта, Милля, Кьеркегора и Хайдеггера Т. Гильфасон; перевёл на польский язык ряд философских работ, в том числе и кантовскую «Критику чистого разума», Р. Ингарден; переводчиком философской и художественной литературы был знаток 17 языков Г.Г. Шпет; занимались переводами К. Айдукевич, Ж. Бофре, Ж. Ипполит, Ю.И. Айхенвальд, В.В. Библихин, Я.Э. Голосовкер, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, Р. Касснер, П. Клоссовский, Ф. Лаку-Лабарт, В. Подорога, В.В. Розанов, К.А. Свасьян, В. Соловьев, С.Л. Франк, М. Хайдеггер, П.Ю. Юшкевич и т.д..

Философия, в первую очередь западная, не возможна без феномена перевода, «воображаемая онтология» которого «составляет первое и последнее условие преобразования невербального содержания сознания в артикулированные, грамматические и дискурсивные формы» (Л. С. Фокин) [14, с.10]. Только через перевод можно по-настоящему «освоить» и «присвоить» «новые» философские смыслы, содержащиеся в философских терминах и других языковых единицах, отмеченных философским содержанием, поскольку смысл не существует вне языка и его семантики. При этом прецедентная *переводимость* европейских философских текстов во многом достигается за счет общности той части интернациональных концептов, которые изначально формировались в широком контексте текстологических и историко-культурных интерпретаций античных, итальянских, немецких, французских, голландских и других классических текстов по метафизической философии, нашедших продолжение в полемике и академических исследованиях вокруг работ философов новейшего времени. Переводческий «повтор» философского знания в иных национальных и языковых контекстах – основной источник и движущая сила философских рефлексий¹. А популярность и влияние философа в современном мире находится в прямой зависимости от востребованности его текстов для перевода.

В работе «Преследование и искусство письма» Л. Штраус описывает обнаруженную им темпоральную «сверхпереводимость» философской мысли. Ничто, по его мнению, не может помешать диалогу философов: они могут жить в разные времена, говорить на разных языках и даже на разные, внешне не связанные с философией темы, но присущая философам «быстрота мысли» (в которой, по словам С.С. Аверинцева, заложен *транцензус-универсальность*) делает их всегда абсолютно понятными и «переводимыми» друг для друга. Вместе с тем, языковая природа философского знания и подвижность границ дифференцированного интеллектуального контекста², относительное равноправие динамично развивающихся языков и невозможность единого «сакрального» языка европейской философии, который мог бы приблизить «вербальный» перевод специальных философских текстов к технической процедуре, заставляют философов рассуждать о проблемах *лингво-культурологической не-*

¹Начиная с XVIII – XIX вв. перевод как философская задача начинает осознаваться немецкой и французской философией, в рамках которых и были заложены философские основы теории перевода.

²Речь идет о расширяющемся знании, его теоретическом содержании и риторических формах.

переводимости их опусов. В частности, Ж. Деррида («Письмо японскому другу»), провозглашавший перевод критерием философской работы, утверждал: «Перевод – главное дело философа. Это дело невозможное». В основе любого рассуждения о *переводимости* (или *непереводимости*) лежит вопрос о субъективном понимании сути переводческого процесса и его результата³. Вся история теоретического переводоведения – это история смены подходов и поиска точных дефиниций, в основу которых, как правило, закладывались параметры *идеально качественного перевода*. Чем больше требований предъявляется к *условиям порождения* и *параметрам переводного текста*, его

- (логическому и предметно-тематическому) содержанию,
- информативности,
- смыслом и метасмыслом⁴,
- качеству интертекстуальных отношений между оригиналом и текстом перевода,
- степени интерпретативности,
- формальным или структурным признакам,
- функциональной и коммуникативной эффективности,
- прагматической направленности,
- конвенциональности,
- «реакции рецептора»,
- (равно)ценности воздействия на адресатов оригинала и перевода,
- соответствию цели (скопосу),
- восприятию и статусу в культуре переводящего языка («продуктивности релятивизации познавательного предмета» [«соблюдению интересов»] адресанта и адресата,
- производимому «впечатлению»,
- отношению к тексту оригинала,
- эвристической ценности,
- эстетичности,

³В известной лекции, прочитанной в Париже в октябре 1999 («Парадигма перевода») П. Рикёр говорит о «двух подходах к исследованию проблемы перевода. В «узком смысле» перевод можно понимать как «переложение словесного сообщения с одного языка на другой» (как это делает А. Берман и другие), а в «широком» – как синоним осмысления и толкования текста в рамках одного и того же родного языка» (Дж. Штайнер) [10, с. 1]. Как и философия, перевод продолжает оставаться неопределённым понятием, не имеющим ни чётко обозначенного содержания, ни объёма (Н.С. Автономова, Б.В. Алимов, Л.С. Бархударов, М.П. Брандес, Д.М. Бузаджи, Ю.В. Ванников, А. Г. Ветренко, В.Г. Гак, Г. Р. Гачечивадзе, Н.К. Гарбовский, В. С. Виноградов, Д.И. Ермолович, Т.А. Казакова, И. А. Кашкин, И.Э. Ключанов, К. И. Ковалёва, В.Н. Комиссаров, В. Коптилов, В.А. Куренной, В. А. Кухаренко, Л. К. Латышев, Л. Л. Нелюбин, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.Э. Мирам, Е.В. Погорелов, В. И. Приворотова, И.И. Ревзин, Я.И. Рецкер, З. И. Роганова, В. Ю. Розенцвейг, В.В. Сдобников, А.В. Смирнов, Г.М. Стрелковский, А.В. Фёдоров, Г.В. Чернов, К.И. Чуковский, А.Д. Швейцер, Ж.-П. Вине, Э.-А. Гутт, Ж. Дальберне, Ж. Делиль, К. Дюрье, О. Каде, К. Кэллоу, Дж.К. Кэтфорд, И.Левый, А. Лилова, Д. Манди, Ю. Найда, П. Ньмарк, А. Попович, К. Райс, Д. Робертсон, Г. Тури, Т. Сэвори, Х. Фермеер, Р. Хартманн, Н. Хомский, Б. Хатим, Дж. Хаус, А. Честерман).

⁴Если в философии и современных когнитивных исследованиях прослеживается традиция соотносить смысл с концептуальными системами и структурами знаний, или «менгефактами», такими, как: знания, концепты, представления, социокоды, которые, в свою очередь, подразделяются на прецедентные феномены, артефакты, бестиарии и стереотипы (В. Дильтей, П. Рикёр, Г. Риккерт, Е. В. Дворецкая, Д. И. Дубровский, Д. А. Леонтьева, В. Н. Порус, В. С. Стёпин), а также индивидуально-личностным и коллективно-историческим опытом индивида, то собственно лингвистический подход базируется, преимущественно, на исследованиях способов его программирования в тексте, закономерностях декодирования и т.д., что прослеживается в работах А. А. Потебни, Н.Д. Арутюновой, И. М. Богуславского, А. В. Бондарко, С. А. Васильева, А. Вежицкой, М. Гаспарова, И. Р. Гальперина, Т. М. Дридзе, В. Э. Демьянкова, И. М. Кобозевой, И. А. Мельчука, А. И. Новикова и других.

- значимости для развития языка перевода⁵,
- мере допустимой лингвистической «чужеродности»⁶,
- ответственности за внедрение в свою культуру «чужеродной идеи», и т.д., тем труднее решается теоретическая проблема переводимости, тем больше аргументов появляется в пользу принципиальной *невозможности перевода*.

Отношения между оригиналом и переводом называют «наиболее драматическим сюжетом европейской культуры» (А.Меликян), утверждающей приоритет и уникальность *индивидуального* познавательного, мыслительного и художественного опыта. Вопрос о теоретической непереводимости и невозможности перевода, возникающий как следствие его семиотической неопределенности и невозможности категоризации основных понятий транслатологии[□], происходит от бесконечности индивидуальных проявлений *лингвокреативного мышления*. В силу «несоизмеримости» языковых культур, а также сознания и опыта индивидуумов перевод не может быть исчерпывающим подобием оригинала[□].

Философские основания перевода не сводимы к сугубо лингвистическим проблемам. Перевод – операция не над языковыми знаками, а над идеями. И поскольку в философии идеи проявляются «в форме *концепта* или в форме «*творчества концепта*» (Ж. Делёз «*Алфавит Жюль Делёза*»), при переводе философского текста неизбежно возникают проблемы, связанные с иноязычным *толкованием* и *комментированием* избыточных *смыслов* и *образов*, положенных в основу *философских* понятий, в результате которого многозначность и многослойность философского оригинала трансформируется[□]. Ориентируясь на авторский смысл текста, переводчик остаётся заложником собственной, *современной* ему *культурно-языковой ситуации*[□]. «Расщепление», «разрыв», «переосмысление», «потеря» или «снятие» смыслов оригинального текста в переводе, как правило, происходит в силу не только субъективных, связанных с компетенцией и прагматикой переводчика, но и объективных – языковых и историко-культурных, причин.

Реальность оригинала многослойна и состоит не только из его содержания, но и из «игры понятий», из различных лингвокультурных и исторических импликаций. Языковые единицы общелитературного языка, превращенные в элементы профессионального философский жаргона, как правило, теряют при переводе свои естественные связи с другими областями знания. Ни один из переводов не способен зафиксировать все ассоциации, интертекстуальные связи и рефлексии, порождаемые оригинальным текстом в условиях языковой культуры автора-мыслителя. И чем многочисленнее переводы, тем очевиднее парадоксальный факт, что они «не могут заменить» оригинал.

Отечественные мыслители практически не воспринимали перевод в виде особой философской задачи, в отличие, например, от философов Германии (Ф. Шлегель, Ф. Шлейермахер, В. Беньямин, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, Г.Г. Гадамер, К-О. Апель) или Франции (П. Рикёр, Ж. Деррида, А. Бадью, Ф. Лаку-Лабард, К. Леви-Стросс), где философия всё больше осознаётся как *философия перевода*[□], либо диалектика *Сво-*

⁵В частности, в своей известной статье «*Задача переводчика*» В. Беньямин писал о том, что интенция переводчика, в отличие от авторской, должна быть направлен не столько на переводимый оригинал и его содержание, сколько *в сторону собственного языка* [3, с.126]. Проблема *переводимости/непереводимости* по Беньямину сводится к пониманию переводчиком своей ответственности перед собственным языком. А *адекватность* переводного текста заключается в его *ценности* для своего собственного языка.

⁶«...переводной язык – это отчасти воляпюк. Он всё время втаскивает чужое. Мету допустимой чужеродности ты определяешь сам, и скорее нутром, чем разумом. Насиловать родную речь можно до определённой черты. Дальше речь становится некрасивой, а затем не поддается осмыслению.» (беседа с переводчиком В. Гольшевым «*Ты находишься при хорошем деле...*») [

его-Чужого, а перевод – как, прежде всего, рефлексивный ресурс *понимания*⁷, интерпретативный процесс, в котором роль интерпретанта отводится носителю языка перевода. Именно так трактуется перевод в работах философов, определивших направление современной гуманитарной мысли: Р. Барта, Ж. Бодриара, Г.Г. Гадамера, Ж. Делёза, Ж. Деррида, В. Дильтея, У. Куайана, Ж.Ф. Лиотара, К. Леви-Стросса, П. де Ман, М. Ортеги-и-Гассета, П. Рикёра, Р. Рорти, М. Фуко, В. Франкла, М. Хайдеггера, Дж. Штайнера, Г.Г. Шпета. Понимание – начальная стадия гуманитарного перевода, в котором алгоритмизированные логические операции сопровождаются интуитивно-эвристическими действиями и ассоциативными гипотезами, основанными на собственном когнитивном опыте переводчика (Д. Лекка, Х. Херманн, В. В. Гусев, З. И. Роганова, Т. А. Фесенко, В. Н. Шевчук).

Переводческое понимание – это всегда личностный процесс, поскольку смыслом переводимого философского текста является также и содержание индивидуального понимания. Этот тип деятельности связан с перекодирующей интерпретацией (Р. Якобсон), когда переводчик превращает исходное концептуальное содержание философского текста в «для себя реальность» (Ю.М.Лотман). С одной стороны, «тот, кто переводит, – по словам Г.Г. Гадамера, – должен сказать со всей ясностью, как именно он понимает текст <...>. Он не может оставить в своём переводе ничего такого, что не было бы совершенно ясным ему самому» [4, с. 449]. «Понять – значит перевести» (Дж. Штайнер *«После Вавилона»*). Именно поэтому вопрос о *переводимости* часто подменяется в дискуссиях о переводе гуманитарных текстов вопросом о их *понятности*⁸ (И.В. Алексеева, М.П. Брандес, Н.А. Каширина, А.А. Леонтьев, В.Н. Комиссаров, В.Л. Наер, А.В. Смирнов), а о том, действительно ли понято то или иное философское высказывание, предлагается судить по его переводимости [12, с. 37-54]. В том числе и М. Хайдеггер (*«Бытие и время»*) писал о том, что переводческая «речь есть артикуляция понятности. Она уже лежит поэтому в основании толкования и высказывания. Артикулируемое в толковании, исходное стало быть уже в речи, мы называем смыслом» [15, с. 161].) С другой стороны, переводчик, как Ахиллес из известной зеноновской апории: он привязан к оригиналу, но не может и никогда не сможет его достигнуть. Так как «“понятность” перевода, как, впрочем, и серьёзного философского текста, имеет свои “уровни”. При первом прочтении какого-либо философского текста у нас возникает одно впечатление и один “список” вопросов к автору, при втором – другое “впечатление» и “другой” список вопросов, при многократном прочтении – третье (известна фраза, написанная аль-Фараби на копии аристотелевского Трактата “О душе”: “Я прочёл этот трактат двести раз”). При этом “понятность” и “непонятность” часто меняются местами. Подчас то, что осталось “непонятым” после первого прочтения, без особых усилий выясняется после второго прочтения. А то, что при первом прочтении казалось “понятым”, становится “непонятым” при последующих чтениях. Главное – по мере углубления знакомства с работами Философа меняются сами вопросы к Философу. Если же кто-то станет читать Аристотеля на древнегреческом языке, то перед ним встанут совсем другие вопросы по сравнению с теми, которые встали бы перед ним при чтении того или иного перевода. Поскольку понимание текста на иностранном языке самым непосредственным образом связано с переводом, то получается, что разные уровни понимания Философа вызывают потребности в разных переводах» (Е. В. Орлов *«О русских переводах Аристотеля»*) 9, с. 52⁷. И чем ближе философская концепция

⁷Так, в англо-американском аристотелеведении есть как *«Оксфордские переводы»* на «хорошем английском языке» (в основном, переводы У. Д. Росса с его же комментариями), предназначенные для знакомства с Аристотелем «в первом приближении», так и более «точные», профессионально-ориентированные на исследователей переводы *Clarendon Aristotle Series* (*Аристотелевской серии «Кларендон»*), где текстологические комментарии занимают места не меньше, чем сами произведения Аристотеля.

обращена «к стихии языка», тем больше возникает потребность в разных переводческих интерпретациях, позволяющих увидеть, и передать авторский текст под разным углом зрения, прояснить его многочисленные интертекстуальные связи.

В свою очередь, непереводаемость не всегда тождественна непонятности. Непонимание – тоже есть способ понимания: понимания чужого именно как *Чужого*; тогда как уверенность в том, что «всё понятно», приводит к подмене чужого своим. «Непонятым» и «непонятым» может оказаться и переведённый текст. В частности, – текст философский, труднодоступность понимания которого зачастую заложена не только в инокультурных символах и метафорах, или культурных нормах и ценностях, но и в особенности творческого метода конкретного философствующего автора, не полагающего простоту изложения и доступность своей концепции её достоинством: «Если мало кто меня заметит – хорошо: чем меньше круг понимающих, тем я себе дороже» (Ф. Петрарка); «Мало понимают те, кто понимает только то, что можно объяснить» (М. Эбнер-Эшенбах); «Только один человек меня понял, да и тот меня, по правде сказать, не понял» (Г. В. Ф. Гегель); «Нет ничего мудреного в том, чтобы быть общепонятым, если при этом отказываешься от всякого основательного понимания» (И. Кант). «Перевод – это смерть понимания» (М. Гаупт). Г. Бонитц, составивший непревзойдённый до сих пор индекс к Аристотелю, при толковании многих мест «*Метафизики*» писал: «Понять это место выше моих сил».

Осмысление философских текстов, состоящих, по выражению Л. Витгенштейна, «из сказанного и несказанного», – одна из самых сложных форм интеллектуальной деятельности, требующих от переводчика объективизации его творческого действия. Гегель писал, что его язык труден для понимания и перевода, но такова суть всякой настоящей философии. Понимание многих текстов, например, таких, как «*Феноменология духа*» Г. В. Ф. Гегеля, «*Логико-философский трактат*» Л. Витгенштейна, или «*Бытие и ничто*» Ж.-П. Сартра требуют концептуализирующих оригинал специализированных герменевтических комментариев. При этом осмыслив текст, переводчик должен не транслировать личное понимание, а дать возможность читателю сформировать своё собственное понимание.

Перевод как *исследование*, как *повторное чтение* философских рассуждений предполагает попытки уточнить смысл как отдельных категорий и терминов, так и всего текста. Зачастую переводчику приходится писать к философским изданиям предисловия, которые имеют исследовательский характер и предполагают предварительную работу с большим объёмом специальной литературы. Актуальный интерпретивистский подход трактует перевод как деятельность, где понимание переводимого текста и его семантических инноваций расценивается как область специальных профессиональных усилий, когда переводчик «смотрит на ситуацию как добросовестный историк, архивист и знаток всех обстоятельств» [8, с.5]. Такая стратегия даёт возможность адекватного понимания философии переводимого автора внутри современных ему дискуссионных контекстов, не всегда осознаваемых и понятных отечественному читателю. И превращает переводимый текст в «работу нового поколения». Эта связано с такими смысловыми характеристиками философского текста, как:

- абстрактность (неэмпиричность);
- концептуальность (универсальность);
- символичность;
- метафоричность;
- неполная эксплицируемость (незавершённость);
- невозможность полной рефлексии;
- многоплановость;
- синкретичность;

- ситуативность (актуальность);
- неустойчивость (подвижность);
- вариативность;
- субъективность (индивидуальность, личностность);
- интерпретативность и т.д.,

которые превращают гипотетико-дедуктивный поиск его конкретных смыслов в трудоёмкий процесс, поскольку суть «переводческого» понимания философского текста состоит в том, чтобы не только раскрыть его *смысловое содержание*, но и найти адекватные средства для его выражения в своём языке.

Выводы. Цель философского перевода сводится не столько к «жанровой стилизации» или «стилизованному пересказу» оригинального текста, сколько к *конструированию его смыслов*: поискам «правильных» эквивалентов философских понятий и «правильно» представленным рассуждениям и выводу (оформленному как понятие или тезис). А суть переводческого понимания философского текста состоит в том, чтобы не только раскрыть его *смысловое содержание*, но и найти адекватные средства для его выражения в своём языке. Вне зависимости от выбранного автором способа осмысления бытия, философским текст – это текст философского содержания, манипулирующий специализированными философскими понятиями и их семантическим наполнением. Именно факт оперирования специализированными понятиями, предполагающий некую экспертность и профессионализацию философской коммуникации, сближает философское построение с другими видами информативных, в том числе научных, текстов. Философский текст функционален. Он служит средством коммуникации в «подготовленной» среде. Вне этой среды он теряет осмысленность. И выход философской проблематики в другие сферы гуманитарного знания и социальной практики (политика, социология, лингвистика, гендер) лишь подтверждает его прагматичность. На этом строится стратегия *коммуникативной переводимости* философского текста. В то же время формат манипулирования когнитивным сознанием посредством философски значимых слов и понятий (концептообразующих метафор и терминов), использование «языковой игры», неконвенциональной семантической сочетаемости языковых единиц, доминирующая актуализация в определённых философских текстах особого «стиля» философствования и т. п., заводит исследователей в проблематику *концептуально-семантической непереводимости*.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики / С. С. Аверинцев // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. – М.: Наука, 1975. – С. 371–382.
2. Автономова Н. С. Познание и перевод: Опыт философии языка / Н.С. Автономова; [Беньямин В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера / Вальтер Беньямин; [Гадамер Г.-Г. Истина и метод. У 2 тт. / Ганс Георг Гадамер; [Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Жак Делёз, Феликс Гваттари; [Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего / Майкл Коул; [Куайн У. Слово и объект / Уиллард Куайн; [Марков А. Трудности познания и перевода / А. Марков // Вопросы литературы. – 2009. – № 2. – С. 109–117.
3. Орлов Е.В. О русских переводах Аристотеля / Е.В. Орлов // Вестник ТГУ: Философские науки. – 2007. – № 298 (май). – С. 51–59.
4. Рикёр П. Парадигма перевода / Поль Рикёр; [Семко С.А. О герменевтическом аспекте перевода / С.А. Семко, Г.П. Рябов // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Сб. научных трудов. Часть II. – НН: НГЛУ, 1998. – С. 112–133.
5. Смирнов А.В. Можно ли строго говорить о непереводимости? / А.В. Смирнов // Гуманитарные чтения РГГУ – 2009 : Теория и методология гуманитарного знания. – М.: РГГУ, 2010. – С. 37–54.
6. «Ты находишься при хорошем деле...» [Фокин С.Л. Перевод как незадача русской философии: к критике концепции мимесиса В. А. Подороги / С. Л. Фокин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск: «Философия. Филология». – 2010. – № 2 (8). – С. 109–125.
7. Хайдеггер М. Бытие и время = Sein und Zeit / Мартин Хайдеггер; [Шлейермахер Ф. О разных методах перевода / Ф. Шлейермахер // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2000. – № 2. – С. 127–145.

8. Штраус Л. Преследование и искусство письма / Лео Штраус // Искусство письма. Сб. / [Пер. с англ. и нем. Б. Скуратова]. – М.: Логос, 2012. – С. 5–21. – (Проект Lettertra.org; Серия: Off-University; Вып. 33).

9. Щедрина Т.Г. Перевод как культурно-историческая проблема (отечественные дискуссии 1930-1950-х годов и современности) / Т.Г. Щедрина // Вопросы философии. – 2010. – № 12. – С. 25–36.

10. Abécédaire de Gilles Deleuze / Алфавит Жюль Делёза с Клер Парне (А,В,С): стенограмма на основе субтитров [Steiner G. After Babel: Aspects of Language and Translation / G. Steiner. – Oxford: Oxford University Press, 1975. – 520 p.

Смирнова Л. А. Про перекладності філософських текстів: переклад на рівні слів і концептів (ідей) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65). № 1 – С.515-522

У статті проаналізована проблема перекладу філософського тексту як частини більш загальної проблеми перекладності. Оскільки у філософії ідеї проявляються у формі концепту або у формі творчості концепту, при перекладі філософського тексту неминуче виникають проблеми, пов'язані з ініомовним тлумаченням і коментуванням надлишкових смислів і образів, покладених в основу філософських понять, в результаті якого багатозначність і багатошаровість філософського оригіналу трансформується. Переклад філософського тексту не зводимо до суто лінгвістичних проблем, тому він розглядається нами як операція не над мовними знаками, а над ідеями.

Ключові слова: *філософський текст, переклад, перекладність, розуміння, інтерпретація, сенс, концепт, ідея.*

Smirnova L. On the transferability of philosophical texts translated at the level of words and concepts (ideas) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65). No 1 – P.515-522

The article analyzes the problem of the translation of a philosophic type of the text and is trying to spotlight this problem as an integral part of a more general problem of translatability. The author stands to reason the fact that philosophers represent their ideas by means of concepts or as “the art of conception”. Obviously, it implies the inevitable translational problems, related to interpretation and commenting of the other languages’ senses, symbols and images, which are the basis of the philosophical concepts, resulting into significant transformation of ambiguity and multilayered character of the original philosophical text. The translational understanding of the philosophical text means not only revealing of its semantic context but also finding of the adequate means of its expression in the language of translation. But the translation of a philosophical text couldn’t be reduced to purely linguistic problems. They should be viewed not as “an operation” on the linguistic signs but on the philosophical ideas. Anyway, the translational comprehension of the philosophical texts, which consist of “the expressed” and “the untold”, is one of the most complicated forms of an intellectual activity and it requires objectification.

Key words: *philosophic text, translation, translatability and untranslatability, understanding, interpretation, sense, concept, idea.*

Поступила в редакцію 07.04.2013 г.